

Согласно легенде, камнями, что нынче разбросаны в русле реки Пене, языческий бог рюгенских славян Свантевит бросал в только что построенную церковь в Вольгасте [Приложение 1, перечень 3, № 67; Maier, Tietz, Ulbricht, 1994: 50]. Вероятно, это наиболее ранний сохранившийся вариант подобных легенд, когда языческий бог еще не был отождествлен с чертом. В связи с камнями, названными именем Свантевита, напомним о рюгенском «Swantewitstein» [Приложение 1, перечень 4, № 11, 20].

Таким образом, на материале северонемецких легенд о камнях прослеживается мотив борьбы христианской религии ассимилирующего немецкого этноса с язычеством сходящего с исторической арены славянополабского этноса (объявление священных камней чертовыми). В то же время содержание легенд отражает и обратный процесс — борьбу местного языческого славянства с христианскими колонистами (попытки разрушить святыни новой официальной религии). Для легенд о камнях, зафиксированных письменно, как для любого фольклорного явления, характерны динамика, изменение. Унаследованный фольклор вступает в противоречие с создавшим его общественным строем, по существу отрицая его. Как отметил видный фольклорист В.Я. Пропп, «старое просто переосмысливается. <...> Переосмысление состоит в изменении старого соответственно новой жизни, новым представлениям, новым формам сознания. Строго говоря, превращение в свою противоположность есть только один из видов переосмысления» [Пропп, 1976: 29]. Можно полагать, что в процессе этнокультурного синтеза языческий бог ассимилируемого этноса превращается в народном христианстве в черта.

Черт в топонимике и легендах Севера

От апеллятива черт образовано большое число топонимов северонемецких земель. В книжных собраниях университетов Грайфсвальда и Ростока мы просмотрели регистры топонимов Мекленбурга, Померании и Восточного Гольштейна, собранные Райнхардом Траутманном, Эрнстом Эйхлером, Вальтером Нойманном, а также в то время еще не опубликованное электронное собрание географических названий Передней Померании и Рюгена, хранящееся в базе данных персонального компьютера группы ономастики Института славистики университета Грайфсвальда. Были выявлены 26 топонимов со славянским корнем *-iьrt-*, из них 12 зафиксированы на территории Германии. Они встречаются в различных средневековых актах, грамотах, писцовых книгах, картах и прочих документах. При отборе топонимов мы руковод-

ствовались принципом диахронической фиксации от современного названия до более раннего варианта употребления в документах, по возможности датируя каждое упоминание.

Вероятно всего, названия приведенных топонимов [см.: Приложение 1, перечень 1], изменившихся с течением времени практически до неузнаваемости, имеют славянское происхождение и восходят к суевериям, связанным с демоническими существами. В основе их лежит старый славянский корень *иьгътъ-: ср. др.-сорбск. *iirtov-, iortov-. В пользу этого свидетельствуют многочисленные микротопонимы в широком ареале Юго-Западная Моравия, Польша, Украина, Германия. В Западной Моравии упоминается урочище «Certuv kamen», сопоставляемое с аналогичным древнесорбским названием Certowy kamjen [Eichler, 1993: 214]. К этому следует добавить «Чертовы камни» на территории России, Белоруссии и Украины. В научной литературе приводятся примеры аналогично звучащих славянских топонимов: ср. польское урочище Czartowka, деревня Czartowo, др.схрв. Crъtovo XIV в. [Trautmann, 1939: 54]; совр. схрв. топоним Crtova, Crtovo; польская деревня Czartow, Czartowo; укр. гидронимы Чортів, Чортіва, Чортіві [Eichler, 1993: 214]. Три названия разных деревень на территории Германии — Schortewitz [Приложение 1, перечень 1, № 7, 8, 9] — представлены на славянских землях почти в аналогичном фонетическом облике: польск. Czartowice, Czartowice, укр. Чортовец, др.-сорбск. Zortwitz [Trautmann, 1939: 54; Trautmann, 1949: 106]. Однако исследователь восточно-германской ономастики Эрнст Эйхлер не исключает возможность, что название места могло быть связано со славянским глаголом *crtiti «чертить», имеющим отношение к вырубке леса [Eichler, 1993: 214], т.е. хозяйственной деятельности, и в этом случае перед нами так называемые «культурные имена» [Niemeyer, 2005: 410].

Из огромного числа микротопонимов (FİN) земли Мекленбург — Передняя Померания выделяется большое количество названий, образованных с помощью апеллятива «черт». Речь идет о немецких топонимах, поскольку славянские примеры найти практически невозможно. Причина состоит в том, что микротопонимы — очень подвижный слой лексики, отличающийся, как правило, узколокальным распространением и функционированием в устной речи. Лишь их часть зафиксирована в письменной форме на картах, в краеведческих собраниях топонимики и преданий, как правило, с большей частью подобных топонимов связаны легенды. Таким образом, формы микротопонимов, зарегистрированных письменно, относятся к тому времени, когда изучаемые земли населял немецкий этнос, и географические названия, следовательно, являются тоже немецкими.

Нами были рассмотрены 62 топонима, которые упоминаются в топонимических собраниях, работах по топонимике и этнографии, легендах и произведениях народной прозы земли Мекленбург — Передняя Померания и о. Рюген. В «Мекленбургском словаре» Рихарда Воссидло приведен еще 31 пример употребления апеллятива «черт» в микротопонимах Мекленбурга [Wo-Teu, 1957, 2: 630]. В это число не включено множество примеров «Чертовых камней», собранных и освещенных в предыдущем параграфе.

Все рассматриваемые микротопонимы [см.: Приложение 1, перечень 2], с точки зрения структуры, являются сложными, двусоставными (нем. композиты). Они состоят из детерминанта (топонимического термина), указывающего на разряд называемого географического объекта, и определяющего его атрибута. Атрибутивный компонент данных топонимов постоянен и выражен в немецком языке генетивом существительного в препозиции Teufels- или в нижненемецком диалектном варианте Däwels, в русском переводе соответствует притяжательному прилагательному «чертов». Из апеллятива «черт» чаще всего образуются микротопонимы — названия урочищ, отдельных частей ландшафта, краев, полей, которые позже переносились на ойконимы — названия поселений людей, возникших на ранее незаселенных местах.

Детерминантом выражен географический объект, часть рельефа, ландшафта и т.д. В вышеперечисленных примерах это следующие географические объекты: -bach ‘ручей’; Born, Born — средневерхненемецкая форма слова Brunnen (древневерхненем. brunno, готск. brunna), старое германское слово со значением ‘пруд или земля, где находится несколько родников, ключей’; -graben ‘яма’; -moog (нижненемецкое -muur) ‘болото’, -see ‘озеро’; -berg, Barg: нижненем. Berg ‘гора’; -soll ‘небольшое округлое углубление, яма с водой ледникового происхождения’; -brok, -bruch (варианты: Brauk, Pl. Врук; древневерхненем. bruoh, средневерхненем. brok) ‘болотистая местность; сырая низменность, поросшая травой, тростником или кустарником’. В настоящее время многие подобные места осушены и превращены в сельскохозяйственные угодья. Топонимический термин с рядом фонетических вариантов -kuhle, -kuhl, -kul, -kule (huhle) (герм. cule, kula) обозначает мелкий географический объект, как правило, в прошлом водоем: 1) ‘яма, углубление в земле, часто заполненное водой’; 2) ‘пруд’. Как указывает Воссидло в «Мекленбургском словаре», названия урочищ с данным топонимическим термином распространены на территории Мекленбурга, и по большей части с ними связаны легенды. Эти топонимы нередко встречаются в народной речи, например, в пословицах. Так, в Росточе о

злом человеку говорят: «Dat is ein ut de Dьwelskul» ‘Этот — из Чертовой ямы’ [Wo-Teu, 1957, 2: 635]. Распространенный топонимический термин -damm (средневерхненем. dam) в составе немецких двусоставных топонимов обозначает вымощенную тропу / дорогу в поле, болоте, искусственно сделанную проходимой; насыпь, дамбу; -weg ‘путь, дорога’.

Существует несколько точек зрения относительно причин появления атрибутивного компонента «чертов» в топонимах. Образование микротопонимов из данного апеллятива обычно связывают с демонологическими представлениями, бытующими у этноса, верованиями в духов, населяющих разные стихии и окраины, переосмысленных христианским сознанием в «нечистых», т.е. в черта. Заброшенные урочища с атрибутом Teufels- / Dьwels- даже могут указывать на бывшие культовые места, где язычники приносили жертвы своим духам (Ср.: [Bosse, 1962: 106]). Это предположение не бесспорно, но в редких случаях соответствует действительности, особенно это касается камней и заброшенных мест в лесу. Многие природные образования, отличающиеся необычной формой или непривычно большими размерами, в народном сознании часто связывались с деяниями черта. Их местонахождению давалось соответствующее название, которое затем переносилось на созданную поблизости деревню и т.д. Достаточно вспомнить примеры многочисленных «Чертовых камней», разбросанных по славянским землям и в Северо-Восточной Германии (Мекленбург — Передняя Померания), или знаменитую легенду о «Чертовой стене» («die Teufelsmauer») в долине реки Боде в Гарце, о которой местные жители говорят: «Да кто же еще мог построить такое чудо, как не адский дух, который оспаривал с Господом нашим владение Гарцем?» [Die Zauberjette, 1991: 20]. Смысл этой легенды прозрачен: в те далекие времена именно в горы уходили немногочисленные гонимые христианами язычники для отправления своих религиозных культов.

В немецкой ономастической литературе неоднократно высказывалась другая точка зрения, согласно которой суеверия связывали с присутствием нечистой силы (черта) определенные места, части ландшафта, строения, как правило далеко лежащие, заброшенные, темные, или особенно глубокие омуты и ямы, которые олицетворяли в религиозном сознании опасность [Bosse, 1962: 106; Neumann, 1932: 133]. С указанными топонимами можно сопоставить топонимы с атрибутом Hulle(n)- ‘адский’, которыми часто обозначены глубокие провалы, долины и ущелья, поскольку их неприветливый характер ассоциируется с адом — местопребыванием черта. Такие топонимы часто встречаются в горных районах Центральной и Южной Германии [См.: Bosse, 1962: 107].

Об образности микротопонимов, функционирующих в устной речи жителей деревень и приобретающих экспрессивно-эмоциональную окраску, говорилось и в отечественных ономастических исследованиях. Исследователи приводят в качестве примера многочисленные Чертовы озера, Чертовы лога и болота на территории Сибири; также известна скала «Чертов палец» в Красноярском заповеднике «Столбы» и т.д. [Воробьева, 1969: 206–207]. В северо-русских поверьях омуты, глубокие ямы в озерах и реках называются «чертовыми домовищами». В народе говорят, что «над теми ямами *вертит* воду» [Даль, 1996: 165]. В поверьях поляков, русских Олонецкой и Архангельской губерний самые глухие лесные чащобы, пустыри и буреломы считают местожительством нечистой силы [Орлов, 1904: 152]. Экспрессивность и образность оказываются тем импульсом, который ведет к образованию новых географических названий; этот процесс непрерывен. Так, в туристических отчетах многократно упоминаются такие микротопонимы, как Чертово ущелье, пороги Чертовы ворота и Чертики на реках Урик и Даялык в Восточных Саянах; перевал Чертовы ворота около реки Утулик на Хамар-Дабане в Забайкалье; урочище Чертов мост на Чаячьем утесе на северном берегу озера Байкал. Очевидно, что эти микротопонимы, не всегда зафиксированные на картах и имеющие хождение в устной речи местных жителей и путешественников, получили свое название на основе сложности и опасности препятствия. Таким образом, среди подобных топонимов имеются топонимы, образованные относительно поздно и связанные с языческими представлениями косвенно, а не напрямую. Народная фантазия создала многочисленные легенды, в том числе топонимические, которые представляют для нас большой интерес.

Рихард Воссидло собрал 1729 рассказов о черте в Мекленбурге, согласно которым черт строит мосты, топит дома и города безбожников, мельницы и замки [Wo-Teu, 1957, 2: 629]. На представления о чертях сильное влияние оказали теологические учения средних веков. Данные различных средневековых актов инквизиции, к которым неоднократно обращалась немецкая этнографическая наука, свидетельствуют, что в юридической практике Мекленбурга того времени, а следовательно, и в народных представлениях черт воспринимался как реально существующий персонаж, его считали действительным участником при заключении договора, и он имел собственное имя [Rusler; Moeller, 1999: 369]. Страх произносить апеллатив «черт» вслух (иначе он завладеет тем человеком) обусловил появление ряда эвфемизмов и описательных имен, известных нам по протоколам средневековых процессов против ведьм и колдунов в Мекленбурге (они при-

ведены в «Мекленбургском словаре» Р. Воссидло [Wo-Teu, 1957, 2: 609–610]), а также множества имен собственных, частотность которых изучалась в статье немецких авторов И. Рёслер и К. Мёллер «Черт и его имя» [Rusler; Moeller, 1999: 366–368].

Часть топонимических легенд носит поздний, христианизированный характер. Они связаны с мотивом наказания грешников ([Приложение 1, перечень 2, № 46 «Der Teufelsbaum»; Niederhuffer, 1998: № 42] и зафиксированное Ульрихом Яном устное предание из монастыря Мариенфлис, связанное с названием под № 59 [Jahn, № 365]). Все легенды, связанные с топонимами типа Teufelsbrücke или Teufelsdamm, обозначающими отмель на озере или в болоте [Приложение 1, перечень 2, № 12, 52, 54–57], имеют похожее содержание: повествуется о дамбе, которую не успел достроить черт, заключивший договор с пастухом или священником в обмен на душу, так как последние вовемя раскаялись [Jahn, № 344, 332, 379; Niederhuffer, 1998: № 141, 203; Neumann, 1998: SaM. № 261; Knoор, 1891: 147]. Мы ограничимся лишь упоминанием христианских легенд.

Экспрессивная окраска топонимов дополняется устными рассказами местных жителей о «нечистых» местах, где с людьми ночью происходят несчастья, мимо которых не рекомендуется проезжать в темное время суток. Основной мотив топонимических легенд — поверье о являющихся в этих местах привидениях или самого черта (в различных образах) [Niederhuffer, 1998: № 113; Parchimer Sagen, 1, № 340; Parchimer Sagen, 2, № 230, 321, 319]. С топонимом Teufelsmoor (неподалеку от Штернберга) [см.: Приложение 1, перечень 2, № 66] связано поверье, будто бы там прохожим является черт в виде дикого кабана. Другая легенда повествует о князе, унесенном вместе с его войском чертом в Чертово болото, отчего оно получило свое название. Этот топоним входит в один ряд с названиями других мест, расположенных поблизости, с которыми также связаны легенды (см.: [Parchimer Sagen, 2, № 320, 321]). Явление черта прохожим, по поверьям, происходит и на дороге из Виттенбурга в Шверин, в местечке под названием Teufelswinkel («Чертов угол») [Приложение 1, перечень 2, № 77], что подтверждает точку зрения о позднем происхождении таких топонимов.

Немало параллелей наблюдается в славянских землях. Так, по верованиям восточных славян, черти способны к оборотничеству и могут предстать перед человеком ночью в любом виде и месте [Мифы народов мира, 1991, II: 625]. Мекленбургским крестьянам известны поверья об оборотничестве чертей, которые являются под видом различных животных с черной шерстью или людей, схожих по описанию с литературным героем Мефистофе-

лем [Wo-Teu, 1957, 2: 609]. Согласно славянским поверьям, места обитания чертей — преисподняя, болота, перекрестки и развилки дорог [Мифы народов мира, 1991, II: 625; Даль, 1996: 228, 257]. В Мекленбурге бытует следующее представление о месте обитания чертей: их можно увидеть, если отойти на 70 шагов от перекрестка и крикнуть: «Vater aus Mitternacht» [Wo-Teu, 1957, 2: 628].

Жители о. Узедом знают предание, будто бы в Чертовой горе около города Лассан [Приложение 1, перечень 2, № 47] зарыты сокровища, которые оберегает черт [Maier, Tietz, Ulbrecht, 1994: 2, 30]. По поверьям жителей Мекленбурга, которые сохранились до конца XIX в., черт владеет сокровищами и хранит клады [Wo-Teu, 1957, 2: 629]. Следует напомнить, что и русские, и украинцы верят, будто клады оберегаются чертями [Даль, 1996: 228], из этих представлений, вероятно, возникли многочисленные мифы о видениях нечистой силы и необъяснимых несчастных случаях в местах зарытых сокровищ, которые известны по гоголевским «Вечерам на хуторе близ Диканьки». Легенды подобного содержания находим и у А. Колчина [Колчин, 1996: 258]. Можно провести еще одну параллель померанской и славянских легенд: клад можно найти лишь один раз — в Иванову ночь. Особая роль Иванова дня и Ивановой ночи — деталь, которая часто встречается в померанских легендах и отсутствует или редка в фольклоре других немецких земель, что роднит первые со славянскими.

О разрушенной Чертовой мельнице около Ной-Бранденбурга [см. Приложение 1, перечень 2, № 69] говорят, будто там обитал черт, а мельник поставлял ему души невинных людей [Niederhuffer, 1998, № 276]. Это не единственный пример такого рода легенд — они часто упоминаются исследователями русского фольклора Д.Н. Ушаковым, П.С. Ефименко, А.И. Ивановым [Ушаков, 1996: 222; Ефименко, 1996: 167; Иванов, 1996: 282]. Подчеркивается связь черта, точнее — представление славянского народа о черте, с мельницами и мельниками, которых считают «постоянными посредниками между человеком и духами» [Даль, 1996: 222]. М.А. Орлов приводит деревенский рассказ XIX в., будто однажды хмельной мужик увидел у мельничной плотины попа, но, когда он захотел получить благословение, поп расхохотался и пропал. Понятно, что мужику привиделся черт [Орлов, 1904: 143]. Факты дополняются и данными этнологической экспедиции в Мекленбург и Вендланд. Информант из деревни Тюшау (Вендланд) рассказал услышанную им легенду об огромном сарае мельника из деревни Бройнстиан, который будто бы был построен

чертом* . Связь мельников с чертом в народе обусловлена их материальным положением, поскольку мельники, по сравнению с другим деревенским населением, были состоятельными, а также представлениями о колдовской силе и «знании» людей этой профессии. «В юго-западном крае [России. — Ю. И. Б.] население очень недружелюбно смотрит на своего брата мужика, внезапно разбогатевшего. По общему убеждению, такое богатство появляется в руках человека не иначе, как при содействии нечистой силы» [Орлов, 1904: 145]. Такую точку зрения подтвердили и слова информанта из Вендланда в его рассказе: «И вот люди стали удивляться, откуда этот человек берет деньги? Ведь у него же маленькая мельница, маленькая, и на ней он не смог бы заработать столько денег. Как у него это получается? И к тому же он построил сарай — это был в те времена самый большой сарай во всем округе Люхов-Данненберг». Как видим, в Европе наблюдалось такое же соотношение между материальным положением мельников и прочих крестьян, поскольку от работы мельника зависела жизнь деревни.

Предположение, что места, обозначенные топонимами «Чертов ...», имели отношение к языческим культам прошлого, согласуется с упоминанием языческих мифологических персонажей в некоторых топонимических легендах. Показательна топонимическая легенда о болоте Teufelskuhle, расположенном около деревни Шваан (Schwaan) [Приложение 1, перечень 2, № 68]. Она связывает происхождение места со временем проживания в Мекленбурге язычников-славян и почитанием богини плодородия Сивы, культовый центр которой был на месте современного Шваана (этимологически это название возводят к агниому Siwan<Siva, i.-e. Siwa) [Niederhuffer, 1998: № 148]. Или, например, зафиксированные в собрании легенд области Пархима сказания о явлении около Дьвельскухл у деревни Нуттельн [Приложение 1, перечень 2, № 27], а также в месте с аналогичным названием около крепости Доббин [Приложение 1, перечень 2, № 28] привидения Дикого охотника [Parchimer Sagen, 2, № 319; 1, № 352], которого позже стали смешивать с образом черта.

* Сарай мельника в деревне Бройстиан, по преданию местных жителей, построенный чертом, действительно существовал, но сгорел около 10 лет назад. Нам показали и крупные валуны, из которых состоял фундамент — теперь это каменная ограда двора. Мельница находилась на ручье, который теперь обмелел и в летнее время пересыхает [Иванова Ю.В. Полевой дневник экспедиции 2000 // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1730. С. 136, 138–139]. Илл. 8 — фотоснимок двора, где произошло событие, описанное в легенде.

Примечательно, что легенда сохранила сведения о крещении славян из города Бург Добин в близлежащем озере Дёпе, а также упоминание древнего дуба, расположенного на северном берегу озера, называемого «Wohleiche». Этимологию этого названия легенда объясняет следующим образом: wohl-wild, Wohl-Waul — Wod, т.е. Водан, древнегерманский бог войны и подземного мира, Дикий охотник. Легенда, как и народная этимология, отражает фольклоризированное восприятие традиции носителем. С этой точки зрения, нельзя исключить факт, что в христианском средневековье часто происходило смешение языческих представлений двух этносов, наслоившихся друг на друга, странствующих мотивов, и все языческие культы, распространенные некогда на территории бывших славянских земель Германии, были уравнины и отождествлены с общегерманскими (см.: [Егоров, 1915, 2: 252]). Сообщение о нахождении рядом с рассматриваемыми урочищами остатков старых славянских укреплений или поселений [Parchimer Sagen, 1, № 24; Jahn, № 356] и микротопонимов, хранящих память о языческих временах, не единичны: Blocksberg [Parchimer Sagen, 1, № 18, 24], Hexenkuhle [Parchimer Sagen, 1, № 18].

В данном случае справедливо говорить о смешении языческих представлений современного немецкого этноса с оставшимися в народной памяти языческими культурами славян, отождествляемых с чертом. Другим напоминанием о языческих временах служат несколько одинаковых сказаний о Чертовых озерах на территории Мекленбурга — Передней Померании. Около г. Бютцов в Мекленбурге есть бездонное озеро с черной мутной водой [Приложение 1, перечень 2, № 73]. Легенда гласит, будто однажды озеро поглотило крестьянина вместе с лошадью, посланной ему в помощь чертом в обмен на душу, поэтому озеро в народе называют «Чертовым» или «Черным» [Niederhuffer, 1998: № 244]. Маленькое глубокое Чертово озеро в еловом лесу в районе г. Гюстров [Приложение 1, перечень 2, № 72] возникло на месте церкви, которая ушла под землю из-за грехов забывших Бога монахов («черт утащил») [Niederhuffer, 1998: № 83; Neumann, 1998: SaM, № 137]. В г. Росток есть место под названием Teufelshöhle / Dьwelskuhl [Приложение 1, перечень 2, № 65], с которым связана легенда об исчезнувшем в глубинах земли замке [Niederhuffer, 1998: № 178]. Как мы видим, географические легенды отражают переходное состояние народных верований, что подтверждается прозрачным смыслом легенды о небольшом Чертовом озере в лесистой местности в области г. Тессин, расположенном на краю торфяного болота [Приложение 1, перечень 2, № 74]. Название

озера мотивировано тем, что, по бытующим преданиям, на его месте в языческие времена процветал город, погрязший в грехе, — ведь богатства городу доставлял черт. Город погрузился в развращающуюся землю за то, что жители перестали чтить черта со времени введения христианства. На месте города образовалось озеро [Niederhuffer, 1998: № 143]. По сути, речь идет о прекращении служения и жертвоприношений старым богам, что, согласно христианской морали, было грехом. Мотив провалившихся городов, церквей и строений и образования на их месте «бездонных» озер неоригинален для северонемецких земель. Он встречается и в русском фольклоре: «В Орловской губернии есть место — полянка посреди дремучего леса, где много лет назад разбойниками свершилось много преступлений и было пролито много человеческой крови. За эти деяния полянка и все разбойники провалились, а на том месте появилось бездонное озеро» [Даль, 1996: 255–265]. Однако в этом случае речь идет об общехристианском понятии греха. Мотив появления на поверхности озера в определенные «святые» дни года, например, в Христово Воскресенье и Иванов День, каких-либо напоминаний об исчезнувших местах или строениях также является сквозным. Таким образом, можно говорить о странствующих мотивах или об общей для указанного ареала закономерности.

Легенды о вендах и особенности их ономастики

Специфика фольклорного репертуара северонемецких земель выражается в особой доминанте — это повествования о вендах, языческие мотивы в содержании легенд, ссылки на славянское прошлое деревень, что вызвано историческими обстоятельствами. Б.Н. Путилов отмечает: «Особое место в ряду факторов исторического порядка занимает историческая, этническая преемственность, характерная для населения данного региона. Региональная специфика может рассматриваться как результат поддержания и продолжения более древних качеств, связанных с ранними фактами этнической истории» [Путилов, 1994: 148–149]. Региональная специфика фольклора Мекленбурга — Передней Померании обусловлена внефольклорными факторами, в первую очередь живыми многовековыми контактами двух этносов в процессе славяно-германского этнокультурного синтеза, взаимовлиянием вендской и немецкой культур.